

Кажарова Инна Анатольевна

ПОЭЗИЯ АДАЛЬБИ БРАЕВА: ПОРТРЕТ ГЕРОЯ НА ФОНЕ ЭПОХИ

В статье на материале ранних произведений А. Браева рассматриваются особенности самораскрытия героя, позволяющие оценить степень соответствия доминировавшим в поэзии послевоенного периода канонам изображения личности либо степень расхождения с ними. Особенности его героя наиболее полно конкретизируются в этико-эстетическом контексте послевоенной поэзии, в проекции неминуемых расхождений в самосознании разных поколений и в свете биографических моментов, сказавшихся на мировосприятии и творческом почерке поэта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35.0

В статье на материале ранних произведений А. Браева рассматриваются особенности самораскрытия героя, позволяющие оценить степень соответствия доминировавшим в поэзии послевоенного периода канонам изображения личности либо степень расхождения с ними. Особенности его героя наиболее полно конкретизируются в этико-эстетическом контексте послевоенной поэзии, в проекции неминуемых расхождений в самосознании разных поколений и в свете биографических моментов, сказавшихся на мировосприятии и творческом почерке поэта.

Ключевые слова и фразы: А. Браев; адыгская поэзия; послевоенный период; герой; пафос; образ.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук, г. Нальчик

barsello@rambler.ru

ПОЭЗИЯ АДАЛЬБИ БРАЕВА: ПОРТРЕТ ГЕРОЯ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Одна из плодотворных областей исследования поэтического текста, выявляющая не только индивидуальность автора, но и психологию меняющегося времени, – это рассмотрение способов самораскрытия героя в соотносительности разных этапов литературного развития. Поэзия адыгских авторов, заявивших о себе в послевоенный период, в данном отношении пока не осмыслена. Герой поэзии одного из представителей этого поколения, Адальби Галимовича Браева (1937-2005), может представить интересный материал для наблюдений. Путь А. Браева в адыгской литературе повторяет путь его лирического героя: какая-то беспощадная искренность самораскрытия в начале, а далее – тихие попытки уйти в тень. В интонациях, которые хранят его произведения, проступает ломаный переход от выразительной проникновенности до необъяснимой отрешенности.

«Свет в окне» (1963) [3] – книга, с появлением которой в адыгской литературе зазвучало его имя. Молодой возраст и та взыскательность, которой отмечен был ряд вещей, вошедших в сборник, рождали соотношение, способное поведать многое о творческих притязаниях автора и о его стремлении им соответствовать.

Поэт, прозаик, журналист; в его творческой копилке со временем будут стихи, поэма о войне, переводы поэзии адыгского зарубежья, прозаические произведения, в частности, рассказы для детей. Всего двенадцать книг, четыре из которых – в переводе на русский. И все же символом его творчества станет «Свет в окне». По сей день об этой книге вспоминают с восхищением. Следом за ней, в 1964-м, вышел небольшой сборник детских рассказов «Неожиданная встреча» [2]. Появление их друг за другом говорило о том, что эти вещи вынашивались и прорабатывались одновременно. Его рассказы живут чувством упоения настоящим – дар, бережно перенесенный им из детских лет, явленный когда-то увлекательными рассказами стариков, с которыми его семья соседствовала в родном селении Шалущка. И важен не возраст аудитории, которой адресованы рассказы «Неожиданная встреча», а то, как их совершенно незамысловатый строй воскрешает даже во взрослом человеке доверчивую зачарованность ребенка. С годами произведения для детей становились для писателя некоей отдушиной. С ними он и сам возвращался в тот мир, где завороченно слушал рассказы стариков. Можно себе представить, сколь значим был этот сказочный мир для ребенка, чьи первые отчетливые воспоминания о себе пробивались сквозь мрак военного времени. Среди этих воспоминаний – отъезд отца на фронт. Одно из стихотворений его первой книги будет посвящено памяти погибшего отца. Это «Завещание» – монолог оставшегося на поле боя солдата, обращенный к товарищу. Безысходный удел, тяжесть могильной земли, стойкая вера души в победу... Привычные для этой темы мысли и образы перевешены глубокой тоской отцовского сердца по своему ребенку. Он просит о том, чтобы выживший товарищ когда-нибудь смог передать его дочке цветок с его могилы: «Же!эж: уи папэ “дадий” кьехьри // Кьэсыжьхунк!э зэи умыгъ...» («Уэсят») [1, с. 22]. / «Отец твой возвращается с цветами, // До возвращения его не плачь...» («Завещание») (здесь и далее цитаты из стихотворений А. Браева сопровождаются нашими подстрочными переводами. – И. К.).

Год рождения А. Браева – 1937, стало быть, войну он встретил четырехлетним мальчишкой и события, искалечившие судьбы целой страны, поглощают уже весь период его детства. По образному выражению М. Сокурова, «война стала частью биографии поэтов, которые закалились в ее огненном горниле» [8, с. 171]. А. Браев и его сверстники, среди которых З. Тхагазитов, П. Мисаков, К. Эльгар, Б. Кагермазов, П. Кажаров, Л. Губжоков, – дети воинов-победителей. Много испытавшие, они бесконечно горды своей страной, ее великим триумфом, но непосредственными победителями, непосредственными участниками сражений выпало быть не им. Потому можно констатировать, с одной стороны, освященное самой историей могущество настроений, которые пронизывают литературу 1950-1960-х, с другой – логичность отличий, которые должны проявиться в самосознании двух поколений. Будто компромисс между тем и другим в искусстве появляются формулировки «напряженное чувство времени», «ответственность перед временем» и т.п. Самосознание героя, его индивидуальные черты в поэзии тех лет проявлялись очень взвешенно, очень продуманно и осторожно, и на этом фоне А. Браев был необычен. Дебют А. Браева ассоциирован с книгой «Свет в окне», но первые его стихи стали печататься еще в середине 1950-х. На его поэтические опыты обратил внимание Бетал Куашев, в то время ответственный секретарь литературно-художественного альманаха «Кабарда».

Так, первая публикация А. Браева состоялась в рубрике «Новые голоса» альманаха за 1955 год [5]. В 1957 году его стихи в переводе на русский были включены в сборник молодых кабардинских поэтов «Голос горной реки», опубликованный в Москве. Те же произведения, что вошли в «Голос горной реки» [4], в том же году издаются в Нальчике в сборнике под названием «Молодые голоса» [7]. Со дня выхода его первой книги поиски А. Браева не остаются незамеченными. В республиканских периодических изданиях, в сборниках литературно-критических статей появляются отзывы и заметки о нем. Не сказать, что они многочисленны, но по ним можно отследить пунктир его творческой судьбы. А еще можно убедиться, что среди голосов поколения, заявившего о себе в начале 1960-х, его голос различался отчетливо. Степень требовательности к нему была соответствующей. Находилось место и похвале, и жесткой критике. Причем в последнем случае нередко были замечания по поводу диспропорции в его творчестве вещей высокохудожественных и спорных. Не вдаваясь в психологические или иные причины нарушения пропорций, да и вообще возникновения каких-либо неровностей в творческой истории художника, вспомним лишь, что мера таланта и мера требовательности к нему всегда определяются в соотнесенности с культурным контекстом, а сам контекст яснее всего и объективнее всего «видится на расстоянии». «Это был период, когда под влиянием художников старшего поколения в искусстве господствовал пафос преодоления внешних преград, напряженное чувство ответственности перед временем, – черты, отражавшие идеал героического человека, утвердившегося в годы прошедшей войны» [6, с. 140]. Высоко чтимый идеал, возникший на гребне тяжелого исторического испытания и его преодоления, задает канон литературе послевоенного периода. Культ направленного безостановочного движения и «светозарности» героя, неизменно отражавшийся даже в названиях сборников, выходящих в послевоенные годы, казалось бы, угадывается и в первой книге А. Браева: по названию она также казалась «светозарной». Но интересно то, что свет ее обращен не во внешний мир, а вглубь души героя, это всего лишь элемент его самораскрытия. И если сегодня оценивать браевского героя на фоне культурного контекста, то по сравнению с его смелостью и беспощадностью самораскрытия все остальное покажется не важным. Диспропорции и шероховатости в том числе.

Есть нечто знаковое в том, что начало творческого пути А. Браева было связано с именем Бетала Куашева. Ведь отдельные произведения Куашева «обнажали мир внутренних переживаний настолько, что своей откровенностью вызвали нарекания критики, еще не привыкшей к исповедальным глубинам интимной лирики. Ни эпоха, ни адыгский этикет, под влиянием которых формировался поэт, еще не были готовы к принятию некоторых его откровений» [Там же, с. 142]. Кстати сказать, в творческой среде поколения, к которому принадлежал А. Браев, трудно отыскать того, чей путь не озарил бы свет таланта Б. Куашева. В адыгской литературе немало обращенных к нему посвящений, но авторство самого проникновенного из них принадлежит А. Браеву. В стихотворении «Залит день горячими слезами» [1, с. 17] всего четыре строфы, но переживания, эмпатия автора достигли в них поразительной осязаемости.

Степень самораскрытия художника имеет непосредственную связь с характером его идеала. С ним бывает связано либо желание строго соответствовать каноническому образу сильной личности, либо потребность впустить в творчество дисгармонию внутренней жизни. Можно сказать, что идеал Б. Куашева был синтезированный, и степень его самораскрытия не была всецело ориентирована на соответствие канонам героической личности. Противоречащая канонам героической личности степень самораскрытия была, безусловно, органична мироощущению А. Браева, поскольку уже в начале своего творческого пути в стихотворении, которое именуется его первый сборник (а стало быть, определяет его интонацию и этико-эстетические доминанты), он решается вывести к читателю героя, не просто внутренне подавленного и дисгармоничного, но соприкоснувшегося с губительными сторонами бытия: «Ахъшэ щыхуэ, ресторан, фадэбжьэ. // Гъуэгу шэдылэ, гъуэгу егъэзыха! // Куэдым уэ плъэгъуаклэщ я нэщлэбжьэ, // Иджы сэрглэ хьуащ узэлуха» («Щхэгъубжэ нэху») [Там же, с. 9]. / «Денежный долг, ресторан, бокал спиртного. // Дорога топкая, дорога вниз ведущая! // Свидетелем многих слез ты была, // Теперь и мне открытой стала» («Свет в окне»). Нет необходимости говорить лишний раз о том, что образ пути значим в любой художественной системе, а в поэзии 1940-1950-х гг. особенно. «Для героического человека ценно лишь пространство преодоления, символом же безусловной победы является достижение героем самой вознесенной точки этого пространства и озаренность его светом» [6, с. 144]. Но для типического человека, который обозначился в поэзии Б. Куашева и уже прямо заявил о себе в первом сборнике А. Браева, образ пути становится отражением внутреннего конфликта, внутренних метаний, поисков себя. И в дальнейшем путь браевского героя никогда не будет направлен в небо, не будет ориентирован на преодоление вершин; полный опасностей, порождающий сомнения и душевное смятение, он проходит по земле. Топкая, ведущая вниз дорога – это то, что совершенно немислимо в поэтических исканиях старших представителей послевоенной адыгской поэзии, и Б. Куашева в том числе. Вместо преодолеваемого пространства, в котором утверждает себя героическая личность, его герой открывает читателю пространство переживаемое. В начале 1960-х, когда сверстники А. Браева в согласии с канонами все еще господствующего идеала «восходили в гору», его герой был озабочен спасением своего пути через спасение своей души. В финале стихотворения возникает образ обрушающихся гор, погребаящих под собой множество неизвестных троп. В этом образе выражается переосмысление национальной специфики канонического пути героя адыгской поэзии и полная драматизма тема осознания А. Браевым своего места в традиции. Уязвимый в своей открытости герой стихотворения «Свет в окне» в последующих сборниках больше не появится, во всех остальных случаях его страдания надежно спрячутся за самоиронией. Более того, со временем А. Браев попытается создать портрет совершенно другого героя, раскованного,

искушенного. Об этом стихотворения «Мужчины» [1, с. 82], «В краю похмелья» [Там же, с. 29], «Мир, охваченный поцелуями» [Там же, с. 81], «Шутка» [Там же, с. 79], «Мы еще живы» [Там же, с. 70] и некоторые другие, вошедшие в его последующие сборники. Но только искушенность здесь явно надуманная, поскольку внутренний мир во всех упомянутых случаях ускользает. С годами становится очевидным, что глубокую исповедальность, изначально определившую его поэтическую интонацию, А. Браев предпочтет оставить в прошлом.

Не существует каких-либо универсальных схем, по которым можно было бы предугадать логику становления художника. У каждого свой сценарий творческой судьбы. Можно лишь сказать, что уже в самом начале А. Браев сумел запечатлеть то, что составило удивительную проекцию его души. Какую драму скрывали ломаные переходы, изменившие в дальнейшем тональность его голоса, нам уже не узнать. И вряд ли сам писатель хотел бы, чтобы об этом знали. Ни в творчестве, ни в жизни он не был декларативен.

Список источников

1. Браев А. Г. Душой и сердцем. Избранное: стихи, рассказы, повесть / на каб. яз. Нальчик, 2000. 261 с.
2. Браев А. Г. Неожиданная встреча. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 44 с.
3. Браев А. Г. Свет в окне / на каб. яз. Нальчик, 1963. 90 с.
4. Голос горной реки. М.: Молодая гвардия, 1957. 71 с.
5. Кабарда. Литературно-художественный альманах. 1955. № 8. 201 с.
6. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 176 с.
7. Молодые голоса. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. 127 с.
8. Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. 301 с.

ADALBI BRAEV'S POETRY: HERO'S PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF AN EPOCH

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology

Institute for the Humanities Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
barsello@rambler.ru

The article by the material of A. Braev's early works examines the peculiarities of personage's self-presentation which allow evaluating the level of correspondence with the prevailing in post-war poetry canons of personality depiction or the level of divergence from them. The peculiarities of his hero are concretized in much detail in the ethical and esthetical context of post-war poetry, in the aspect of inevitable gaps in self-consciousness of different generations and in the light of biographical moments which influenced poet's worldview and his individual style.

Key words and phrases: A. Braev; Adyghe poetry; post-war period; hero; pathos; image.

УДК 82-3

В статье рассматриваются размещенные в рукописном журнале «Школьные досуги» (1902-1903) художественные и публицистические тексты А. И. Тинякова (Одинокого) и Е. А. Преображенского, в которых воссоздается образ классической гимназии начала XX столетия. На конкретных примерах показывается, что гимназическое образование на рубеже XIX-XX веков нуждалось в серьезном реформировании, поскольку уже не соответствовало уровню развития страны. Установлено, что образ гимназии на страницах журнала «Школьные досуги» и в работах, основанных на архивных разысканиях, посвященных изучению Орловской мужской гимназии рубежа XIX-XX веков, различается: если в первом случае она предстает символом косности и формализма, то во втором случае она, напротив, выступает учебным заведением с продуманной системой образования.

Ключевые слова и фразы: гимназия; образ; журнал «Школьные досуги»; А. И. Тиняков (Одинокий); Е. А. Преображенский; реформа; образование; статья.

Казеева Елена Александровна, к. филол. н., доцент

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
kazeeva-ea@yandex.ru

ОБРАЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ НА СТРАНИЦАХ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ»

Классические гимназии, возникшие в России в XVIII столетии, постепенно становятся основной формой получения среднего образования. Их главной задачей, по справедливому замечанию В. Ф. Чертова, является «приготовление учащихся к университету и преподавание основ наук, необходимых для благовоспитанного человека» [14, с. 26]. Тем не менее в конце XIX века гимназическое образование уже не соответствовало уровню развития страны. Поэтому центральным вопросом, волновавшим в этот период отечественную интеллигенцию, становится вопрос о проведении школьной реформы. Готовящаяся министрами народного